ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 36-й № 45 (4941) ВТОРНИК, 13 АПРЕЛЯ 1965 г. ЦЕНА 4 коп.

наш корреспондент рассказывает

СТРАНИЦЫ «ГЕРОИЧЕСКОЙ КНИГИ»

С необычным поручением вылетела в тот день из Томска группа комсомольцев. Им выпала честь доставить в село Александровское, ныне один из центров рождающейся нефтяной промышленности Сибири, скульптурный портрет земляка александровцев — отважного солдата Алексея Лебедева, повторившего в дни Великой Отечественной войны бессмертный подвиг Александра Матросова.

У этого памятника есть своя история. В том числе — и литературная.

Дело в том, что в областной комсомольской газете «Молодой ленинец» вот уже длительное время регулярно печатается страница «Героической книги». Авторы ее — журналисты, молодые писатели и поэты Томска — задались благородной целью: напомнить своим сверстникам и младшим товарищам о героических подвигах земляков-томичей.

О подвиге Алексея Лебедева знали. Но разве не интересно, порывшись в архивах, записав устные свидетельства, рассказать читателям, как рос герой, как сплавлывался характер патриота, в трудный час не пожалевшего самой жизни во имя нашей победы?

Алексей Лебедев — не единственный, о котором рассказано на страницах «Героической книги». Она вызвала большой читательский интерес, получила живой отклик. Тогда и возникла мысль воздвигнуть памятник Алексею Лебедеву. Скульптор С. Данилин создал бюст героя, комсомольцы электромеханического завода отлили его из чугуна.

Старый сибирский поселок Александровское сейчас на пороге новой большой судьбы. Нефть скоро преобразит и его, и окружающий край. И знаменательно, что на площади села в год двадцатилетия великой победы советского народа над фашистскими захватчиками встанет памятник герою-воину.

А что касается идеи создания «Героической книги», она как нельзя более своевременна. И, право же, стоит подумать о том, чтобы подобные летописи героизма родились в нынешнем году не только в Томске, чтобы литературная молодежь была широко привлечена к их созданию.

ТОМСК

КОММЕНТИРУЕТ ОППОНЕНТ

Около 400 ролей в пьесах классического и современного репертуара — такова творческий путь жизни в искусстве народного артиста СССР В. О. Топоркова.

Один из учеников и последователей К. С. Станиславского, он много лет преподает в школе-студии имени В. И. Немировича-Данченко. Топорков — автор двух книг: «Станиславский на репетиции» и «О технике актера».

...Недавно состоялась защита докторской диссертации профессора-актера В. Топоркова. Тема его работы — «Принципы творческой техники К. С. Станиславского». Высоко оценили труд актера, педагога и исследователя. Официальными оппонентами — народный артист СССР Ю. Завадский, доктор искусствоведения П. Маслов и доктор медицинских наук П. Симонов.

Наш корреспондент М. Горонов попросил Ю. А. Завадского прокомментировать это событие.

— Диссертация Топоркова — результат огромной работы. До 1914 года Василий Осипович был актером провинциального театра в Петербурге, после революции — московского театра Корша. Топоркова знали и любили зрители. Успех его был значителен. Но сам актер был недоволен собой. И эта неудовлетворенность, вечное беспокойство, беспрестанные поиски нового привели его в МХАТ.

Придя в Художественный театр в год постановки «Бронепоезда 14-69», Топорков, под руководством К. С. Станиславского фактически заново «переучивался». В МХАТе он создал незабываемые образы Епиходова в «Вишневом саде», Чичикова в «Мертвых душах», Фирса в «Трехсестрах», Вершилова в «Платоне Кречете», Кругосветлова в «Плодах просвещения»...

Книги Топоркова как бы полностью или же сделанное им на сцене.

У некоторых может вызвать удивление тот факт, что одним из оппонентов на защите диссертации был доктор медицинских наук П. Симонов. Он рецензировал работу с точки зрения взаимосвязи метода Станиславского и учения Павлова. И это вполне естественно. Ведь система Станиславского имеет глубокое научное обоснование.

ОБСУЖДАЕТСЯ... ЗАМЫСЕЛ

Недавно в Центральном Доме литераторов состоялась интересная встреча — к московским прозаикам пришли педагоги, чтобы вместе обсудить замысел новой книги писателя В. Каверина. Обсудить замысел? Да, замысел. Самой-то книги еще нет...

О чем же рассказал В. Каверин?

— Каждая книга имеет свою историю — это можно сказать и о моем новом романе. Я хочу нарисовать портрет современного молодого человека, заканчивающего школу и вступающего в жизнь. За последние десятилетия изменилось многое, юношество стало другим, и мне надо глубоко изучить его внутренний мир, чтобы написать свою книгу.

Автора «Двух капитанов» всегда глубоко интересовали проблемы нравственного воспитания. В новой книге он надеется осветить такие и некоторые вопросы эстетического воспитания.

— Мы прожили поистине фантастическую — с многообразием событий, по их остроте — жизнь, нам есть что рассказать детям и внукам. Почему же не сделать это, скучно слушать нас? Может быть, мы не научились еще увлекательно рассказывать о себе? Или у современной молодежи пропал интерес к истории старшего поколения? Я постараюсь, насколько это в моих силах, ответить в своей книге на эти вопросы.

Как же возник замысел романа? Беннамин Александрович рассказывает, что в его руки попали интереснейшие письма одной женщины, прожившей трудную, напряженную, наполненную событиями и внутренними исканиями жизнь. Письма эти охватывают период от десятых годов нашего века до 1936 года. «Образ, возникающий из этих писем, — образ человека тонкого, чуткого, страстного, действенного, — настолкнул меня, — рассказывает писатель, — на мысль сопоставить внутренний мир этой женщины с внутренним миром нашей молодежи».

После этого выступили литераторы: В. Инбер, Ю. Дубровин, М. Златогоров, В. Ковалевский, Ф. Кузнецов, Д. Романенко, Л. Славин, педагоги М. Матейчик и Н. Филимонова. В живом разговоре были высказаны интересные мысли, касающиеся и прочих, и так называемого «нигилизма» части нашей молодежи; обнаружились разные точки зрения на этот вопрос; но ни у кого не возникло сомнений в своевременности произведений, задуманного В. Каверин.

Писатель сердечно поблагодарил присутствовавших и выразил надежду, что при случае сумеет он будет собраться для обсуждения самой книги.

ЛЕКЦИЮ ЧИТАЕТ ПИСАТЕЛЬ

В аудитории тишина, студенты внимательно записывают лекцию. Речь идет о творчестве поэта Валерия Брюсова, о поэмах «Прекрасная Венера» и «Золотая жила», «Белая роща» и «Седьмое небо».

Лекции читает новосибирский поэтесса Елизавета Стюарт, которая знает Федорова с той поры, когда он, еще заводской мастер, занимался под ее руководством в литературном объединении.

Эта лекция — не просто «просветительская», а очередная лекция курса советской литературы. В Новосибирском университете ведет доцент А. И. Горский. Но вот уже не первый год значительную часть материала читают новосибирские писатели. В этом учебном году перед студентами уже выступили руководитель новосибирской писательской организации А. Ниульков, поэт Л. Решетников и другие. В ближайшее время перед студентами выступит поэт А. Смердов. Он расскажет о творчестве сибиряка Ильи Мухачева и дальневосточника Петра Комарова.

— Участие писателей в чтении лекционного курса приносит им неоценимую пользу, говорит доцент Горский. — Будущие преподаватели языка и литературы получают возможность заглянуть в творческую лабораторию мастера слова. Как правило, новосибирские литераторы рассказывают о жизни и книгах тех писателей и поэтов, которые близки им творчески, с которыми их связывала и связывает личная дружба. Нынче, как и в прошлом году, писатели примут участие и в экзаменах по прочитанному курсу.

ВЕСНА КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ

В Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание представителей общественности столицы, посвященное всенародному празднику — Дню космонавтики.

В президиуме собрания руководители партии и правительства, летчики-космонавты СССР, ученые, передовики производства.

Заседание открыла первый секретарь Московского городского комитета КПСС Н. Г. Егорычев.

С речами выступили президент АН СССР академик М. В. Келдыш, фрезеровщик завода имени Лихачева Д. С. Михайличенко, летчики-космонавты В. М. Комаров, П. И. Беляев, А. А. Леонов.

ПОДНИМИТЕ ГОЛОС ПРОТИВ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

Обращение к американским писателям

Дорогие коллеги!

В грозные, чреватые огромными опасностями дни человечества дни мы считаем долгом нашей совести обратиться к вам с этим письмом.

Правительство вашей страны, которое ведет уже десять лет несправедливую войну против народа Южного Вьетнама, не желающего признать навязываемый ему реакционный режим, в последнее время не только открыто выступило в этой стране как воюющая сторона, но и стало расширять военные действия на север, против суверенного государства — Демократической Республики Вьетнам.

Каждый день телеграф и радио приносят леденящие сердце сообщения о расправах с беззащитным населением городов и деревень Южного Вьетнама, осыпаемых ливнями пуль и бомб, сжигаемых ножами, задыхающимися от отравляющих газов. Каждый день самолеты с опознавательными знаками вашей страны атакуют мирные города и села Северного Вьетнама, ведут необъявленную жестокую войну против народа этой страны.

За последние годы между вами и нами развивалось нечто общее. Мы ближе узнавали друг друга. Нам казалось, что при многих наших идеологических и эстетических расхождениях вам тоже близки и дороги стремления к миру и взаимопониманию между народами земли, что и вам отвратительны стремления разрешать политические, экономические или идеологические разногласия между правительствами и народами силой оружия, ничтожное истребление людей и сокровищ мировой культуры. Может быть, мы острей вас ощущаем и ощущали опасность перерастания «локальных» войн в мировой пожар потому, что ни один из народов мира за последние полвека не понес в навязанных ему войнах таких огромных человеческих жертв, разрушений и опустошений, как народы нашей страны.

И ныне, когда на Индокитайском полуострове творятся, по воле правительства вашей страны, деяния, вопиющие против гуманизма, они невольно вызывают скорбные ассоциации с тем, что мы на нашей земле видели со стороны нашего тогдашнего общего врага — нацизма. При всем нашем глубоком уважении к вашему трудолюбивому народу, к вашей пронизанной идеями гуманизма литературе мы не можем, не имеем права не напомнить вам о том, что пассивность народа и его интеллигенции может сделать их, против их собственного желания, соучастниками того, что творится по приказам правительства.

Будучи сами патриотами и зная о вашем патриотизме, мы призываем вас, во имя чести вашего народа и вашей родины, присоединить свои голоса к голосам, раздающимся на всех континентах планеты, голосам сотен и сотен миллионов людей, требующих прекращения бесчеловечной войны на Индокитайском полуострове, грозящей перерастанием в мировую военную катастрофу.

Пусть ваши летчики, морские пехотинцы, военные советники уйдут с этой многострадальной земли и дадут возможность вьетнамцам самим решить вопросы политического и социального устройства их родины.

Пусть новые вдовы и сироты, новые тысячи людей, которые могут стать жертвами американских бомб, напалма, газов, не проклинают вашу страну, ваш народ за безрассудные действия безответственных политиков и генералов.

Зная вашу приверженность идеям мира между народами, вашу обеспокоенность судьбами человечества, мы уверены, что ваши голоса против кровавой бойни во Вьетнаме сольются с голосами, все громче звучащими во всех странах мира.

По поручению участников митинга московских писателей

Ю. ЖУКОВ, Л. КАССИЛЬ, С. МИХАЛКОВ, К. СИМОНОВ, А. СУРКОВ, Е. СУРКОВ, А. ЧАКОВСКИЙ, С. ЩИПАЧЕВ

ВРАГ НЕ ПРОЙДЕТ!

Моника Варненска, известная польская писательница, автор книги о Вьетнаме «Мост на реке Бен хай» находится сейчас в Демократической Республике Вьетнам. Этот очерк — первый из серии — написан специально для «Литературной газеты».

Моника ВАРНЕНСКА,
польская писательница

Да, тресса та самая, по которой я ехала три года назад. Но поездка совсем иная: я совершаю ее в более трудное и сложное время. Тогда, три года назад, вокруг расстилались мирные, спокойные нежно-зеленые рисовые поля. Склонившиеся над ними люди в широких конусообразных соломенных шляпах гармонично сливались с окружающим пейзажем.

Теперь мы едем ночью ночью или ранним утром, скорее на рассвете, пока блеск быстро наступающего тропического дня не успел озарить чистое небо. Но и в этом сумеречном свете можно увидеть, что мужчины и женщины, как и прежде склонившиеся над побегами риса, не расстаются с винтовками и автоматами...

Наша машина замаскирована густыми ветками с пышными листьями, а кроме того, покрыта камуфляжной сеткой. Через реки переправляемся на паромах, также замаскированных зеленью. Воздух насыщен прекрасной свежестью, над водой висят испарения. Издалека мигают тусклые огоньки. Люди глядят сурово и сосредоточенно, более сурово и сосредоточенно, нежели тогда, в 1962 году. Сегодня они все чаще открывают глаза от собеседника, чтобы послать настороженный взгляд в небо.

Да, жизнь здесь стала теперь во много раз труднее, опаснее. Но суровые взоры людей сразу теплеют, когда они узнают, что перед ними друг.

...Двадцать пятое марта. Погожий, тихий день. Небо — без единого облачка. Беседую с молодой учительницей Тран Тхи Лян Хуу — жительницей города Винь Линь. Это молодая, на вид робкая двадцатидвухлетняя женщина с лицом нежным и мягким. Недавно, когда американские стервятники два с лишним часа варварски бомбардировали беззащитный мирный Винь Линь, Тран Тхи отважно спасала маленьких учеников начальной школы.

...Тран Тхи ждет второго ребенка. Ее пятилетний сынок играет рядом с нами на краю противовоздушного убежища. Жаркий полдень. Именно эту пору дня предпочитают американцы для своих разбойничьих налетов. Вот и сейчас они появляются во вьетнамском небе. Едва заслышав далекий гул самолетов, малыш, завернувшийся в кусок камуфляжной ткани, одним прыжком уже — прыжком соскакивает на дно рва и мчится к убежищу. Лицо молодой женщины искажается тревогой.

— Да, мы все научились этому! — с горькой усмешкой говорит она. — Он хорошо понимает, что «май-бай» (самолеты врага) — это бомбежка, это смерть!..

Гляну на ребенка, которому в эти годы — в пять лет! — приходится жить под черной угрозой гибели, падающей с неба, с его небе, — и сердце сжимается болью. Ведь две недели назад, всего две недели назад такие же маленькие дети этого же города Винь Линь уже погибли в этой проклятой грязной американской войне.

...Самолеты пронеслись стороной: сегодня они бомбили селение Винь Тхай.

На следующий день, 26 марта, воздушная тревога настигла нас в Ха Тинь. Этот тихий, скромный спокойный городок, окруженный зеркалом зеленых рисовых полей, — главный город одноименной провинции. Раздался резкий характерный свист и рев пикирующих самолетов, грохот разрывающихся ракет, треск бортовых пулеметов...

...Прокатилась первая волна бомбардировщиков, приближается вторая: двадцать пять машин. Они сбросили бомбы, обстреляли дороги и улицы. Но город не остался в долгу у бандитов: он ответил метким прицельным огнем. Двенадцать «Скайрейдеров» не вернулось в тот день на базу.

Почему именно Ха Тинь? Что здесь является объектом нападения? Мы увидели. Увидели семнадцать уничтоженных жилых домов в предместье Кау Фу. Семнадцать мирных хижин, покрытых пальмовыми листьями! «Гаринзовые этих хижин — дети, женщины, старики!..

...Дымятся пожарища. На дорогах и улицах — свежие воронки и ямы. Огонь охватил деревья, вокруг распространяется горький запах паленого. Группы самообороны поспешно ищут бомбы замедленного действия с часовым механизмом. Несколько десятков мирных жителей лишилось крова, имущество их погибло в огне. Несколько человек ранено, некоторые — тяжело. Беседуем с пожилым крестьянином Ле Нгы. Из противовоздушного рва, в котором он укрылся вместе с маленькой внучкой, Ле Нгы видел пожар, уничтоживший его дом и хозяйство. Спасти ничего не удалось. Осталась Ле Нгы только старая, заплатанная рубаха. Но с холодным, грозным блеском в глазах старый крестьянин говорит:

— Я спас внучку и себя. Пусть мы с нею потеряли все, но зато подлый враг получил хороший урок!

Короткая беседа с членами группы местной самообороны, которая занимала огневую позицию вблизи нашего укрытия. В эту группу входят сотрудники банка. Лишь только прозвучал сигнал воздушной тревоги, они покинули столы, счеты, бумаги. Быстро и без паники заняли свои места на огневой позиции, открыли огонь. После налета состоялось короткое собрание. Политический руководитель группы похвалил людей:

— Подготовка удовлетворительная: справились в назначенные сроки. Враг не застал нас врасплох. Если атакует вновь, — ответим так же!

Поздним вечером жители Ха Тиня собираются на митинг. Узнав, что в их городе находится писательница из страны Ба-Лянг (Польша), то есть человек из лагеря социализма, жители просят меня сказать несколько слов.

— Ну что можно сказать на ходу, в первый день великого испытания, выпавшего на долю вашего города? — волнуясь, говорю я. — Только несколько слов: мы, жители Варшавы и Кракова, так же как жители Москвы и Ленинграда, Праги и Будапешта, Софии и Бухареста, всех социалистических стран, мы всем сердцем с вами, дорогие товарищи и друзья! И мы не оставим вас в беде — верьте этому!

...Ночью мы покидаем Ха Тинь. На проселочной дороге встречаем группу детей. Они чинно идут парами, в руках — маленькие фонарики. Возвращаются из школы, укрытой в джунглях. Неожиданно свет фар выхватывает из темноты силуэты людей, которые сопровождает ребят. За плечами у них винтовки и автоматы...

Что напоминает мне это зрелище? Смутно припоминаю какие-то кинокадры, страницы учебников, главы повестей — только с другим звучанием, иным колоритом... Мучительно ломаю голову: что же все-таки? И вдруг мгновенная ослепительная вспышка памяти. Ну, конечно же: «Но пасаран!»

Да, вьетнамские товарищи так и говорят: враг не пройдет!

Эти слова я слышала не только в Ха Тине, но и в других городах и селах, лежавших на моем пути. Но об этом — в следующей корреспонденции. Мне остается лишь еще раз подчеркнуть: вьетнамская весна 1965 года с огромной силой и новым звучанием напомнила нам замечательные слова почти тридцатилетней давности: «Но пасаран!» Да, похоже, очень похоже, но — не тождественно. За эти тридцать лет мощно выросла сила социалистического лагеря. И теперь так оно и будет:

— Враг не пройдет!

Демократическая Республика Вьетнам, апрель

героическая летопись

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Борис ГАЛИН

Фото Олега КНОРРИНГА и Федора ЛЕВШИНА

Июль сорок третьего. Эти жаркие, грозные, гулом сражений наполненные дни и ночи на Курской дуге, крепче железного вошли в историю, стали памятью сердца солдата и маршала, подносчика боеприпасов и танкиста, артиллериста и фронтового писателя — всех участников битвы на Средне-Русской возвышенности, битвы Советской Армии с немецко-фашистскими полчищами.

Своей конфигурацией этот выступ фронта напоминал гигантскую дугу, он-то и привлек внимание фашистского командования. Наступательная операция готовилась немцами долго. В апреле сорок третьего ставка фюрера отпечатала в тринадцати экземплярах оперативный приказ, подписанный Гитлером. Он назывался, сей приказ, в той напыщенной манере, какая свойственна была бесноватому: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году... Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом».

Все было собрано немцами в мощный кулак. Стремительные танки «тигры» и «пантеры», сверхтяжелые самоходки — «фердинанды» должны были, по замыслу фашистов, молниеносно протаранить русскую оборону, разметать все живое, сокрушить, сгрызть дугу, повернуть ход войны в свою пользу.

Сколько тонкой, хитрой выдумки, сколько упорства и труда было вложено нашими воинами в создание мощной оборонительной линии на Курской дуге! Один из командармов, на чью долю пришелся первый тяжкий удар противника, сказал глубоко справедливые слова: «Поле будущей битвы было обильно полито потом солдат и офицеров». Все на фронте, от Курска до Белгорода, зарылось в землю, окопалось, напряженно выжидало...

В историю огненной битвы на Курской дуге войдет и та ночь под пятое июля, когда на одном из участков фронта советские разведчики схватились с немецким сапером. Захваченный в плен сапер сказал на допросе: в три часа пятого июля начнется немецкое наступление. Оставались считанные часы, нет, не часы, а минуты... Военный Совет фронта должен был принять важнейшее решение. И оно было принято, вспоминал позднее К. Рокоссовский, об этой тревожной июльской ночи. В два часа двадцать минут тишина была взорвана громом наших орудий...

Горячая страда наступила и для нашего корреспондентского корпуса — мы жили в эти грозные дни июля одной жизнью с могучим солдатским братством. В тяжких и непрерывных боях с врагом высвистало огневое слово листовок-молний. Вместе с боеприпасами листовки доставлялись в окопы. «Напрягите все силы, воин-гвардеец. Ни шагу не отступи назад. Ты сильнее немцев-фашистов. Ты — русский, ты — советский гвардеец. Останови врага и победи!»

На измятой гусеницами траве, в обвалившихся окопах, среди обугленных деревьев, в сверканиях июльского дня решалась судьба боя — судьба рубежа. Лица, каски, оружие и плечи покрыты были густой пылью. Сражались не только танки, орудия и самолеты, но и воля, мысль, идеи советского человека.

Боевые сотоварищи по газетному листу, корреспонденты «Правды», «Красной звезды», «Известий», фронтовых, армейских и дивизионных газет, в эти дни находились на линии огня. И то, чему они были свидетелями в июльские дни и ночи, навсегда осядет в душе и писательской памяти.

Сквозь выжженно-огневым глазом фотообъектива и, горячего июльского боя живая и трогательная сцена: в только что отвоеванное, отбитое у немцев село входит бойцы с развернутым знаменем. На солдатских лицах — азарт боя и радость победы, радость, которую делит с ними наш Ленин...

Мы видели подбитые немецкие танки на Прохоровском поле. Они лежали перед нами — поле битвы, распаханное бомбами и снарядами, в воронках и вмятинах от гусениц танков и тяжелых орудий, тянело дышавшее Прохоровское поле, на котором двенадцатого июля произошло невиданное в мире, грандиозное по масштабам сквозное танковое сражение. Здесь, на русском поле, столкнулись две силы, две воли — и победила наша сила, наша воля.

Земля, которая день за днем содрогалась от непрерывного гула, теперь была объята тишиной: где-то бойко еще трещало, но здесь, на широком поле, было сравнительно тихо. Мы сидели в тени разбитого немецкого танка, и Василий Гроссман в гимнастерке с расстегнутым воротом, с глазами, воспаленными от усталости, смотрел на заливающееся в июльском небе жаворонка, затем, склонившись над тетрадью, положенной для упора на планшет, записывал итоги боевого дня, час спустя по армейскому телеграфу эти строки фронтовой писатель-боец передаст в редакцию. Люди, писал он, наши военные советские люди, солдаты, офицеры, генералы, показали свою полную, военную зрелость. Народ за два года великих испытаний научился воевать спокойно, талантливо и грозно, так же, как умеет этот великий, талантливый народ работать в поле, в шахте, в научной лаборатории, в горячем цеху.

...Перебирая старые фотографии и газеты, листовки и записные книжки с засохшими между страниц травинками, я словно возвращаюсь в те далекие июльские дни сорок третьего года, когда в простой битве на Средне-Русской возвышенности решалась судьба не только Орла, Курска и Белгорода, но и определялся весь последующий ход войны, когда усилиями народа, упорством, стойкостью, все нарастающим наступательным порывом Советской Армии приближалось будущее — победа в Великой Отечественной войне.

СНОВА ТУМАН НАД БАЙКАЛОМ

После статьи писателя О. Волкова «Туман над Байкалом» «Литературная газета» опубликовала 10 апреля ответ руководителей Госкомитета по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству при Госплане СССР.

Публикуемая сегодня статья мы продолжаем разговор о судьбах Байкала.

Олег ВОЛКОВ

ИТАК, все обстоит наиблагополучнейшим образом! «Не вызывает никакого сомнения и обеспечение сырьем Байкальского целлюлозного завода и Селенгинского целлюлозно-картонного комбината»; «...опасений, что районы сырьевой базы угрожает эрозия, угрожает истощение пустыни, лишены каких-либо серьезных оснований»; «антисейсмические мероприятия полностью гарантируют надежность сооружений»; «...высказываемые опасения о загрязнении озера и нарушении его режима лишены какого бы то ни было основания»; «есть полное основание быть абсолютно уверенным в том...» и пр. и пр. Словом, napрасно пишут, суются с критикой люди, к тому же некомпетентные, как, например, Вокова, писателей Соболева, Сартакова и прочих...

И все же тревога общественности за Байкал не беспочвенна, а вызвана вполне реальными и доказуемыми просчетами ведомства, руководимого министром СССР Г. М. Орловым. Просчетами, на которые неоднократно начиная с 1958 года указывали научные учреждения и общественные организации. Ведомство от них то отмахивалось, то отмалчивалось, прятало возражения под сухою или категорически опровергало. И тем временем продолжало в чрезмерном вкладывать огромные средства в строительство, словно стремясь обезоружить неумолкающихся критиков размерами затраченных средств...

Однако проект не сделался совершенное от того, что выполнен сегодня на 70 процентов. Пуск на Байкале двух целлюлозных комбинатов нанесет стране в целом такой урон, что не поздно и сейчас привлечь внимание компетентных правительственных инстанций и общественности к байкальской проблеме.

Предвидя столь любимый защитниками чести ведомственного мундира упрек «в некомпетентности», приведу свидетельства специалистов и ученых, мимо которых едва ли можно пройти.

«Проектное задание... составлено неудовлетворительно, исходные данные задания составлены поверхностно, решения обоснованы недостаточно. Проектное задание не обеспечивает выполнения правительства «Об охране и использовании природных богатств в бассейне озера Байкал» и гарантирует грубое нарушение этого...

Это из заключения Международной экспертной комиссии при Восточном филиале Сибирского отделения Академии наук СССР от 22 декабря 1961 года, подписанного членом-корреспондентом Академии наук СССР М. М. Одиницким и восемнадцатью другими специалистами.

Экспертная комиссия Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР, отметив в своем заключении на 21 странице, что «...проектно-изыскательские работы, б) дефицитность полиамидимида — основного реагента для второй ступени очистки, в) лабораторный характер опытов, — твердо заявила, что «загрязнение прибрежной зоны оз. Байкал в районе выпуска сточных вод Байкальского завода даже при осуществлении предусмотренных приемных методов очистки этих вод неизбежно».

Заметим тут же, что в приведенных двух документах, как и во многих последующих, поминается одно требование: **перенести вывести сброс завода за пределы бассейна Байкала.** Это — присказка, нечто, выдвигаемое единогласно, и — такие последовательно и упорно, всеми способами отвергаемое «Сибгипробумом» и Госкомитетом поручил проектирование заводов на Байкале.

Вызывает недоумение спокойствие Госкомитета и в отношении сейсмического благополучия выбранного района.

«Площадка (Байкальского завода. — **О. В.**) должна быть отнесена к зоне возможных землетрясений силой до X баллов.

...В районе строительства не исключена возможность землетрясений до XI баллов. В целом в районе строительства «перенести» в районе Братского комплекса».

Это — из заключения Совета Министров СССР Института земной коры Академии наук СССР: тут же справка, в которой сообщается, что в районе озера Байкал 29 августа 1959 года произошло землетрясение силой 10 баллов, 22 ноября 1961 года — VIII баллов, а с 29 августа 1959 года по 1 мая 1960 года 1 225 землетрясений силой до VI—VII баллов и более 700 — слабых.

Ну, а насколько обоснован оптимизм Госкомитета в отношении опасности эрозии и деградации бассейна?

В марте 1962 года состоялось расширенное совещание Географического общества СССР с участием ряда институтов АН СССР. В решении значится:

«1. Вырубка леса в намечаемом районе с использованием современной техники в горных условиях, где почвенный покров маломощный (15—20 см), вызовет его разрушение и эрозию, чему будет способствовать высокое количество выпадающих в этом районе атмосферных осадков. Возможна также и ветровая эрозия песков, и, как следствие этого, уничтожение площадей, пригодных для сельского хозяйства.

2. Обезлесение в горных условиях приведет также к образованию селевых паводков и оползней: подобные явления уже сейчас наблюдаются в бассейнах реки Слюдянки и р. Зы.

3. Лесосплав древесины по нерестовым рекам приведет к их загрязнению корьем и топляками и к выводу из строя нерестилищ ценных пород рыб.

4. Сброс промышленных вод в оз. Байкал приведет к образованию зоны загрязнения, которая будет распространяться вдоль южного и восточного берегов...»

РЕШЕНИЯ и заключения, откуда приводятся выдержки,— вполне реальные документы, и их отнюдь нельзя перечеркнуть безапелляционными ссылками на заверения и постановления, которыми оперирует Госкомитет. К тому же эти экспертизы оказываются далеко не всегда безупречными.

Госкомитету можно было бы напомнить историю экспертизы, касающейся судьбы рыбного хозяйства Байкала. Пользуясь безответственным заявлением второстепенного работника одного из институтов (работника, который впоследствии сам отказался от своего заключения, а институт дезавуировал его), «Сибгипробум» взял в заблуждение правительственные инстанции.

Можно было бы вспомнить и то, как заключение Института земной коры СССР Академии наук СССР было опорочено «Сибгипробумом», обвинившим ученых в преднамеренном желании вообще не допускать строительства на Байкале.

24 апреля 1962 года президиум Академии наук СССР обратился в Совет Министров СССР с запиской по поводу Байкала.

Считая, что вопрос изучен совершенно недостаточно, Академия наук СССР пришла к выводу: «Учитывая... отрицательные последствия обезлесивания, ...Академия наук СССР рекомендует... всестороннее исследование ресурсов, необходимо разработать генеральную схему комплексного использования природных ресурсов Байкала».

Под этим документом стоит подпись президента Академии наук СССР академика М. В. Келдыша.

А 25 апреля Госкомитет добился утверждения раскритикованных накануне в президиуме Академии наук проектов строительства заводов на Байкале.

История споров вокруг Байкала убедительно свидетельствует: ведомственное рвение и «волевые» усилия способны заглушить голоса авторитетнейших ученых.

В самом деле: первые сигналы о неблагополучии с проектированием завода на Байкале прозвучали уже в 1959 году. Однако понадобилось целых три (!) года, чтобы институт «Сибгипробум» представил материалы Сибирскому отделению Академии наук СССР. Был период, когда обсуждение проблемы Байкала в печати и широких судебных вообще было прекращено.

Сейчас просто невозможно привести все документы, содержащие протесты общественности и компетентную критику специалистов: их слишком много, этих неопубликованных обращений, этих неуслышанных протестов!

В самое последнее время (13 февраля 1965 года) академики А. Трофимук, И. Герасимов и другие ученые обратились с письмом в Совет Министров СССР, в котором предлагают отказаться от строительства Селенгинского комбината и использовать воздвигнутые уже сооружения под другое производство.

В заключении Сибирского отделения Академии наук СССР от 24 февраля г. г. снова — в который раз! — указывается на недопустимость сброса промышленных вод в Байкал и предлагается как выход строительство трубопровода, по которому бы вода после очистки сбрасывалась в реку Иркут. Вот выдержки из этого документа:

«До настоящего времени (!) нет утвержденной проектной документации по очистным сооружениям Байкальского завода и Селенгинского в целому. Положение с Байкалом изменилось с 1958 года»; «Идет строительство главного отводного водопровода, где освоено 73 процента средств от сметной его стоимости и почти приостановлены работы по постоянным очистным сооружениям».

«Биологическая очистка на Светогорском целлюлозно-бумажном комбинате удается только летом. Госкомитет опирается на опыт этого завода, чтобы доказать действенность очистной системы, запроектированной для Байкала. Напомним, что Светогорский комбинат находится в Ленинградской области, где нет байкальской зимы! — **О. В.**)

Наконец, географическое общество СССР, собравшее в марте этого года в Ленинграде около тысячи делегатов — цвет отечественной и зарубежной научных учреждений, единогласно высказалось за запрещение сбросов в Байкал зимнее время, потому что «современные методы очистки не гарантируют от загрязнения».

ЕСЛИ недостаточно этих выдержек, чтобы не заключить, насколько не вяжутся с ними обещания и заверения Госкомитета сохранить Байкал и даже поставить его богатства на службу народу, я приведу несколько строк из письма группы рабочих—строителей Байкальского завода, в котором они писали в «Литературную газету» 19 февраля этого года:

«Есть правительственное запрещение пуска завода без очистных сооружений. Казалось бы, оно — на не будет полной очистки отработанных вод и обогащения их кислородом, о пуске завода и речи быть не может. Но не тут-то было. Строители ведут непрерывную работу, чтобы скорей соединить очистный трубопровод на прямую с Байкалом кратчайшим путем, минуя главные отстойники.

Эти строки проливают свет на осторожное признание Госкомитета, что строительство очистных сооружений отстает. Чтобы сдать их в эксплуатацию — не формально, а по совести, чтобы создать квалифицированные кадры, нужно еще несколько лет. Между тем Госкомитет обязался уже в этом году пустить первую очередь завода.

Заметим, кстати, что производство хорошей целлюлозы на Братском комбинате не освоено, несмотря на обещания дать ее стране еще в 1962 году. Выполнять широковещательные обязательства много проще, чем организовать на деле такое сложное и новое для нас производство, да еще размахнувшись сразу на 400 тысяч тонн в год!

Но Госкомитет не унывает — продолжает настаивать на своей всепаровке, сулить народу невиданную «отдачу от больших затрат» (а они действительно незаурядно велики!) и пугать туристов грелищем уникального сооружения! Об уникальности завода кордной целлюлозы было уместно говорить лет, вероятно, этак 15—20 назад, но не об этом даже сейчас речь.

Госкомитет оправдывает выбор площадки для строительства на чистом Байкале воды и технической невозможностью построить установку для химической очистки в нужных масштабах.

Сначала об очистке. Как поступают страны, крупные производители растворимой целлюлозы, у которых нет уникальных Байкалов? Оказывается, например, что завод фирмы «Сонамбела» в Австралии, имеющий мощность вдвое большую, чем вводимая первая очередь Байкальского завода, и выпускающий высокооблагороженную целлюлозу для ацетатного шелка, успешно производит тонкую химическую очистку речной воды, пользуясь новообменными смолами. А на более ранее мощном заводе американской фирмы «Буклей» во Флориде уже в 1959 году работала такая же система очистки артезианских вод. Эти примеры, кстати, не единственные, показывают, что химическая очистка воды технически возможна и экономически оправдана.

Приравнивать просто коррективы и в утверждение Госкомитета о том, что в США за последние годы выстроен ряд заводов, выпускающих 450 тысяч тонн высокооблагороженной растворимой целлюлозы.

Самый молодой — нисходно-целлюлозный завод в США был пущен в 1957 и модернизирован в 1959 году. С тех пор их число не увеличилось. Указывающий Госкомитетом прирост мощностей, происшедший в США за «последние» одиннадцать лет, приходится целиком на конец пятидесятых годов. У нас сейчас на дворе середина шестидесятых! Существенное обстоятельство при нынешней стремительности технического прогресса.

Вот в Канаде, тоже крупной поставщице целлюлозы, в последнее время закрылся один завод — их осталось пять; суммарная же мощность этих заводов даже несколько снизилась.

Кто же ответит на вопрос: почему с 1959 года строили завод кордной целлюлозы в Братске, не довели дело до конца и принялись строить ускоренными темпами Байкальский завод с такой же технологией? Неужели комитет считает, что одновременный пуск двух гигантов, намеченный теперь на 1965 год, обеспечит успешное освоение мощностей при отсутствии опыта и нехватке подготовленных специалистов?

Госкомитет говорит, что добивается получения особо прочной нити, которую не может дать Братский комплекс. Однако так ли это существенно, если пускать волокно на бытовой текстиль?

Как явствует из статьи, Госкомитет собирается использовать высокоэластичную целлюлозу с Байкальского и Братского заводов и для выработки волокна, называемого специалистами полинозным. На обыденном языке это означает, что от страны требуют рискнуть Байкалом не только ради высокопрочного шинного корда, но и во имя выпуска высокопрочных трусов и маек!

А уж если говорить о бытовом текстиле, то у нас и без Байкальского и Братского заводов достаточно интенсивно развивается производство нужного для этого материала.

Возвращаясь же к спору о достоинствах вискозного корда, заметим, что нейлоновая нить в полтора-два раза прочнее.

Госкомитет считает преимуществом вискозного корда его термостойкость. Между тем известно, что добавление небольшого количества специальных веществ (термостабилизаторов), пока не применяемых у нас, резко повышает термостойкость синтетического корда. И потом вообще опасливо делать сравнения с производством в какой-нибудь стране напрочь-напрочь, пока еще не отвечающим лучшим зарубежным образцам.

Я не верю в пылкие широких обещаний комитета в отношении порядка рубок, вывозки леса автотранспортом и других мер, призванных успокоить общественное мнение.

Зная практику лесозаготовок в горной тайге, где очень часто не соблюдается никаких норм и рубки знает, что нашего специального оборудования для горных лесозаготовок в лесосеке не выпускается, — зная все это, я не могу не усомниться в реальности этих обещаний.

Вывод же мне рисуется один: употребить все силы на пуск и расширение Братского комплекса, за счет оборудования, завезенного ныне на Байкал; а выстроенным корпусам и поселку Байкальского завода найти надлежащее применение.

задолго до старта КОСМОДРОМ —

Сколько я передумал, какие мысли ни прошли через мой мозг!... Рассказал также меня привлекала...

К. Э. Циолковский

ТРИДЦАТЬ с лишним лет назад, 26 октября 1933 года, в Советском Союзе на орбиту спутника Земли мощной ракетой-носителем был выведен космический корабль, пилотируемый экипажем, который впервые осуществил выход человека в космическое пространство. Ракетчик (так тогда называли космонавтов) рассказал о необычайном чувстве отсутствия тяжести... При соприкосновении тела не давят друг на друга — груза не существует. Направление тела произвольно — нет верха и низа, нет горизонтальных и отвесных линий. Всякая поза возможна. Вращающееся тело вертится во веки веков, если этому не препятствует сопротивление среды. Обедал ракетчик при помощи специальных мешков. Ночь — не более 0,7 часа (42 минуты), а день — около 0,8 часа (48 минут). Каждые 40 минут — затмение Солнца.

Выход из корабля в космос осуществляется в специальной «одежде». Она «...непроницаема для газов и паров, гибка, не массивна, не затрудняет движения тела; она крепка, чтобы выдержать внутреннее давление газов... Она соединяется с особой коробкой, которая выделяет под одежду непрерывно кислород в достаточном количестве. Углекислый газ, пары и другие продукты выделения тела поглощаются в других коробках...»

«Подождите! Остановитесь!.. — прерывает нас читатель.— Все это и обо всем этом мы уже знаем со слов Юрия Гагарина, Алексея Леонова, всех наших космонавтов. И при чем тут 26 октября 1933 года, когда это произошло совсем недавно...»

Нет, дорогой читатель, мы не оговорились, не перепутали событий. В архиве пионера космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского среди множества удивительных документов сохранился этот рассказ «ракетчика», вышедшего в космическую безну. Поводом для его создания послужила работа К. Э. Циолковского в качестве научного консультанта над фильмом «Космический рейс» режиссера Журавлева. Дерзновенная сила воображения, соединенная с научным расчетом, позволила ученому «слетать» земною притяжение и «поплавать» в космосе.

В 1911 году К. Э. Циолковский писал: «На основании своих научных работ я твердо верю в осуществимость космических путешествий и заселение солнечных пространств. Но я никогда не решусь сказать, когда это будет!» А в 1935 году им же написаны следующие строки: «До последнего времени я предполагал, что нужны сотни лет для осуществления полетов с астрономической скоростью (8—11 км в секунду). И это подтверждалось теми слабыми результатами, которые получены у нас и за границей. Но непрерывная работа в последнее время поколебала эти мои пессимистические взгляды: найдены приемы, которые дадут изумительные результаты уже через десятки лет».

Пройдет ровно 30 лет, и Алексей Леонов выйдет «погулять» в космическое пространство...

***

Я туда — в пустоту, в корабль в другую сторону. Впечатление такое, словно на качелях, — я начаюсь, и корабль качается. Только в разные стороны.

(Из рассказа Алексея Леонова)

НАХОДЯСЬ на орбите, ракетчик вышел из кабины космического корабля. «...Когда открылась наружу дверь, я обмер и сделал судорожное движение, которое двинуло меня из ракеты. Уж, кажется, привык висеть без опоры, между стенами этой каюты, но когда я увидел, что надо мною бездна, что нигде кругом нет опоры, — со мной сделалось дурно. Я опомнился, когда вся цепочка (фал. — **К. К.**) уже размоталась... Успокоился, когда увидел себя около ракеты. Самообливе мешало мне выказать страх и скрыться поспешно в ракету... Всего мурашнее: мне показалось, будто я притягивал ракету за собой на цепочке, а она покорно подчинялась...» И далее: «При моем вращении я кажусь себе неподвижным, но все остальное как бы вертится вокруг меня. Долго предавлялся верх там, где находится голова. Смотрю по направлению тела. Солнце кажется то над головой, то под ногами, то на горизонте, то под ним, то над ним...»

Вспомним, 18 марта этого года мы видели своими глазами на экране телевизора многое из того, что мечтательно описано фантазия Циолковского. И нет ничего удивительного в том, что Алексей Леонов, в отличие от ракетчика, не испытал «почти никаких» неожиданностей. За плечами тех двадцати минут, которые он пробыл в космической

Крик за дверью

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Рассказывают, что в убийцах отметили этот случай. Они устроили теплую дружескую вечеринку, причем пили не просто так (люди-то остроумные!), а за упокой душе убитого.

Пятнадцатого ноября убийцы были наконец взяты под стражу.

На ночь в тюрьме, можно было бы и кончить, назвав рассказ о гибели Андрея Гавриленко... ну, допустим, «Не проходите мимо!». Но, к сожалению, точку здесь ставить нельзя. Нельзя потому, что крик за дверью раздался не в день убийства Андрея, а гораздо раньше...

ПРИМЕРНО полтора года назад, зимой шестьдесят третьего, в том же самом Орджоникидзевском поселке два семнадцатилетних подростка убили шофера такси. Причем не спьяна, не в ярости, не в ревности, не из-за ссоры. Они просто ограбили, ограбили, чтобы выбросить на ветер. Они ограбили, чтобы выбросить на ветер. Они ограбили, чтобы выбросить на ветер. Они

ФАНТАЗИЯ

Бездне, лежат многие месяцы упорных и многообразных тренировок мысли, воли, чувства. Лежит провидение фантаста и ученого К. Э. Циолковского. Расказ «ракетчика» приближается не только силой предвидения, моментами совпадения с реальностью полета «Восхода-2». Циолковский в предначертаниях будущего полета не забывал главного: что в космос выйдет человек, что это будет состязание не одной лишь «химической мысли, но и психологии, воли, тела человека, покоряющего стихию. Его психологический анализ ощущений «ракетчика» — это и предостережение, и напутствие будущим космонавтам.

Приветствуя П. Беляева и Ал. Леонова с экрана телевизора, С. В. Образцов почти не шутя сказал о своих переживаниях: «А что, если веревочка оборвется?..» Фантазия К. Э. Циолковского прорепетировала и такую возможность. Он думает о двигателях, которые помогут человеку вернуться снова на корабль. Более того. Настанет время, когда в космическое пространство ринется множество кораблей с частями для сборки станций, жилищ, лабораторий, рудниками, минералами. Циолковский мечтает о времени, когда там, в космосе, человек высадит клубнику и землянику. Ученый рисует свой план устройства космической оранжереи. «Веревочка», или, говоря технической терминологией, фал, будет мешать космонавту. Она «оборвется», обязательно «оборвется»!

❦

Я хочу вам сказать, что картина космической бездны, которую я увидел, поражает меня необъятностью, необъятностью красок и резкостью контрастов густой темноты с ослепительным сиянием звезд просто поразила и очаровала меня.

(Из речи Алексея Леонова)

РАКЕТЧИК продолжает свой рассказ: «Что же я увидел вне ракеты? Поражает черная звездная сфера, в центре которой я нахожусь. Звезды многочисленны, разнообразны по силе цвета, но без лучей и точкообразны, не мигают. Обыкновенная, но более яркая Луна. Солнце ослепительно, ослепляет, суживает зрачки. Земля занимает почти полнеба... Край Солнца затемняется невидимым краем Земли. Прошло всего лишь несколько секунд, и все погружается в мрак. Но глаза уже привыкли и видят яркую зарю вдоль земной Земли. Заря особенно рада там, куда исчезло Солнце. Великолепная заря, градусов в десять шириною, становится все равномернее: через 16 минут после заката она сияла ровным багровым, громадным кольцом, занимающим немного меньше половины неба (диаметр 125°). Все небо разделяется им почти пополам. Этого красного света вполне достаточно для чтения... Вскоре свет кольца с одной стороны слабел, а с другой—разгорался, меняя оттенки. Не прошло и часу, как выкатилась полоска Солнца: все засверкало, заря потускнела, и через десять секунд во всем величии выглянуло полное Солнце».

Осторожность, с которой воображение К. Э. Циолковского пытается представить игру света и тени, цветовую гамму в космосе, понятна. Никакая фантазия не может заменить непосредственный контакт с космической действительностью. Теперь, когда в космосе побывал человек-художник, чувствующий цвет, наши представления стали и конкретнее, и точнее.

Ал. Леонов рассказывает: «Сквозь солнечные лучи, как через призму, просеивала звезды. Представьте себе бледную, голубоватую часть неба, а на нем будто красные и золотистые угольки, и крупные и мелкие... Красив и переход от светлой стороны на теневую. Все цвета в этот момент как бы меняются... уступая место аспидно-черной пустоте». Нежно-голубой, синий, фиолетовый, ярко-оранжевый, красный, угольно-черный (аспидно-черный, то есть здвиотчерный, как определил А. Леонов) цвета в сочетании создают неповторимую красоту безбрежного космического океана. «Да ведь это же настоящая палитра Матисса! Космос радостен», — восклицает Назым Хикмет после полета Юрия Гагарина, который первым открыл нам очевидную красоте космоса. Да, красота везде **радостна**, даже там, в пугающей бездне космоса, даже тогда, когда человек встречается с нею лицом к лицу, так сказать, в публичном одиночестве.

Всякая новая встреча с природой не может пройти бесследно для искусства. Но вряд ли стоит забывать, что для нас, землян, «системой отсчета» остается Земля, ее уже раскрытая и еще не раскрытая красота. И если открытие космоса должно сказаться серьезно на современном искусстве, то прежде всего в том, чтобы с еще большей силой ощутить и выразить неповторимость и богатство **земной** красоты. Горяще и настойчиво поддерживал наш фантастический в искусстве. К. Э. Циолковский преследовал вполне земную цель: помочь пробуждению новой мысли, творческой энергии масс.

❦

«ЧУДАКИ украшают мир!» — под этим лозунгом, висящим над грифельной доской, стоит мальчик 12—14 лет, худенький и лохматый, и защищает перед переполненной аудиторией своих сверстников «фантастический проект» передвижения Земли и Солнца, чтобы сделать ее климат теплее. Защищает «по-настоящему», с математическими выкладками, расчетами, ссылками на законы механики. И стоит в рядах глаз таких же лохматых «чуданов» придирчиво следят за ходом рассуждений, атакуют вопросами автора проекта. Это кадры из документального фильма «Путь в науку» (режиссер М. Лукацкий), созданного сейчас Новосибирской студией документальных фильмов. Эти «чудаки»—победители физико-математической олимпиады, организованной по инициативе академика М. А. Лаврентьева при Сибирском отделении Академии наук СССР. Они — «смена» на пороге «великих намерений», мы еще не знаем, кто из них станет будущим Циолковским. Но и для них фантазия — космодром, с которого они полетят, каждый по своей траектории, в Большую Науку и, следовательно, в Большую Жизнь.

Кира КАНАЕВА

Космонавт вернулся на Землю. Поднято забрало гермошлема. Ветер наносит полевые запахи озаренной солнцем степи. Как хорошо после нескольких суток пребывания в космосе снова стоять на родной земле и вглядываться в первый цветок — предвестник тысяч букетов, которыми встретят героев вернувшегося с дальнего полета сына!

Таким увидел и запечатлел в мраморе герой-космонавта А. Николаев скульптор Г. Постников. Резцу Г. Постникова принадлежат портреты многих покорителей знаменитых высот, широковестные монументальные композиции «К звездам», «Эра космоса» и другие.

маленькие рецензии

СЧАСТЬЕ УЗНАВАНИЯ МИРА

ФОРМА лирического дневника столь же избирательна и строга, как и любая другая литературная форма. Здесь пестрота наблюдений, размышлений, записи отдельных сценок или даже слов, случайно услышанных, — только кажущаяся пестрота. В этой форме есть свой принцип отбора, свой внутренний нерв, который пронизывает материал, выявляя личность писателя, круг его интересов.

Журнал «Октябрь» напечатал лирические записи белорусского поэта Я. Брыля «Горсть солнечных лучей» (заметим, что это уже не первое обращение журнала и работали писателей из братских республик). В этой новой публикации Я. Брыля есть и совсем короткие записи — двустишия, и развернутые описания жизни деревни, бытовые сценки с юмором, озорством, меткими характеристиками, крупицы народной мудрости, философские раздумья о жизни, людях, о писательском труде... Из всего этого вырисовывается образ современной жизни, с многими красными и горестными чертами дней, светлое очарование величавой природы. И все это рождает естественное желание запечатлеть, запомнить, «начиная на строки все, что было моей радостью, моим слиянием с природой, моей молитвой ее красоте...»

В записях записях Яныи Брыля, и в самом названии — горсти солнечных лучей, рассыпаны афористичные, графически отточенные записи. Немудрено тут вспомнить мастера латышской прозы. Слово писателя Вейбаргса дышит: такое оно емкое и живое.

И все же не случайно эту короткую рецензию мы начали с разговора об отличном, самобытном таланте поэта. Как выражение проявления закономерностей художественного творчества в любом жанре. Когда, прочитав «записи» о поезде на Дикиль, я находил в Владивостоке, о встрече двух старинов Тадора и Стасевича, о Нарочи и Немане, о далеких мудрецах детях, которых Я. Брыль всегда описывает с проникновением, «записи» о природе, будто сделанные тут же на месте (так они пахнут землей, хлебом, цветами, пьянящим воздухом поля), вдруг оставливаешься на таких, например, строчках:

«Модная поэтесса спрашивала на даче у хозяйки:

— А скажите, пожалуйста, как это журочка несет лично?

Совсем серьезно, изучая жизнь», — начинаешь ощущать пестроту. И стрелы эти адресовать отнюдь не поэтессе...

Но, к счастью, минуешь эти немногие стрелы и вновь ощущаешь радость общения с чутким художником. Идешь с ним по планете Земля, внимательно и радуешься, что он сумел «нанизать на строки» многое, мимо чего мы напрасно проходим.

З. ФЕДОРЕНКО

Янка Брыль. «Горсть солнечных лучей». Из лирических записей. Авторизированный перевод с белорусского Дм. Ковалева. «Октябрь», № 3, 1965.

□

Молодость Куприна

Писательская молодость Куприна прошла в Киеве. Здесь он в 90-х годах прошлого столетия работал репортером в газетах, здесь вышли первые его рассказы и повести. Теплая дружба связывала Куприна с Михаилом Булгаковым, Константином Паустовским — талантливым фельетонистом, сотрудником тех же киевских газет, в которых работал и Куприн. Писатель подолгу жил в семье Киселевых, был здесь своим человеком. А внучатый племянник А. Куприна Борис Киселев — сын М. Киселева — вспоминает: Куприна звали, как он запомнил ему, тогда еще ребенку,— молодым, добрым, веселым, горячим, щедро-талантливым. Однако книга, разумеется, не просто личные впечатления. Это именно рассказы о Куприне. Причем такие, в которых находится должное место и рассказам о Киеве, о нравах его обитателей, о людях, окружавших тогда писателя, о различных историях, прямым или косвенным участником которых он был.

В. Киселев радио касается в своей книге непосредственно творчества писателя, но мы знакомимся в книжке Киселева с провинциальными русскими газетчиками, среди которых было немало честных, одаренных, демократически настроенных, справедливых и совестливых людей. К сожалению, мы очень мало знаем о них. А почему бы одному из наших издательств не поинтересоваться этой «малой» газетной литературой прошлого, не издать томик набранных газетных фельетонов того же, скажем, Михаила Киселева?

Пока же всячески рекомендую всем, любящим Куприна, прочесть достоверную и добрую книгу В. М. Киселева.

Н. ПИТЛЯР

В. Киселев. «Рассказы о Куприне». Издательство «Советский писатель». М. 1964.

НОВОЕ произведение Григория Бакланова — книга вроде бы, на первый взгляд, какая-то не «баклановская».

В трех прежних его повестях он предпочитал быть скорее психологом, нежели историком. Эдесь же, что называется, прямо с порога, с первых страниц предупреждал: внимание — июль сорок первого года!.. И сразу — заявка на большое историческое обобщение. И уже первые же страницы ослепляют блеском целого созвездия генеральских и полковничьих имен — это у Бакланова, для которого разговор о звании майора был исключением из правил, — предпочтение обычно отдавалось лейтенантам и капитанам!

Довольствуясь в своих батальных сценах более чем скромными масштабами артиллерийской батареи, иногда, может быть, знона, и не вдаваясь в замыслы больших военных начальников, Бакланов всегда предпочитал до сих пор оставаться со своими героями «южнее» либо «севернее» главного удара. Неизменная приверженность его к «пяди войны» стала уже нарицательной. А тут сразу — военный совет в штабе стрелкового корпуса, счет на роты и дивизии, разработка стратегической операции...

И еще — книга начинается с подготовки нашего контрнаступления, с умело и грамотно организованного, красноармейских атак, с эпизодов разгрома и истребления гитлеровцев — и это все **в июле сорок первого!**

А ведь до сих пор прежним баклановским героям приходилось, по милости автора, все время сидеть в обороне, отстреливаться, отбиваться, а то и вовсе отступать, хотя встречались мы с ними по большей части в последний год войны — в Венгрии, на Днестре, на Украине, когда, как известно, в таком незавидном положении чаще всего оказывался враг и армии наши на долгий срок на месте уже не задерживались. Но Бакланов, обращаясь к этой поре, всегда умел отыскать необходимую для его замысла очередную пядь земли, еще не захваченную общим движением на Запад, еще испытывающую на себе всю жестокость несломленной вражеской силы. Уже находясь в предвкушении победы, он не спешит к ней. Он словно задерживал войну на этой пяди, словно собирал ее здесь всю разом — в один огненный ком.

И, соответственно, каждый из его героев и все они вместе проходили в тот же максимально спрессованный срок все мыслимые испытания огнем, железом и окопами. Все, что было отпущено на окольцованном войной смертоносном пространстве, дышало жизнью: здесь боролись, мечтали, философствовали, влюблялись, ревновали, страдали, совершали подвиги. По почти невозможности было представить себе баклановских героев вне этих пределов. Да они и сами, пожалуй, не смогли бы сделать этого. Больше того: для каждого из них мысли о мирной жизни в применении к собственной судьбе составляли морально запретную категорию, ту самую почву, на которой вырастает жалость к себе, стремление поберечься, — верный путь к трусости, подлости, предательству.

Именно на этом строился конфликт, наиболее острый и характерный для Бакланова, в присущей его повести «спрессованной» атмосфере такие качества, как самоотверженность, верность боевому солдатскому братству, благородство и чистота каждого чувства и помысла, представали всеобщей и обязательной порой поведения. Это был как бы единственно возможный этический уровень: подняться выше было попросту немыслимо. Выделиться, составить исключение из общего правила мог только шкурник. И отнюдь не случайно на каждую из баклановских повестей, из горьких любой жанр и движется характерами многочисленными, сильными и своеобразными, приходится всего лишь по одному на таких «исключений». Сюда направляется вся тяжесть писательского презрения и отрицания, еще более подчеркивающего романтический пафос массового, «рядового». «незаметного» героизма.

Вот почему, в частности, таким нелепым выглядит утверждение о том, что идейную основу баклановских повестей составляют торжество этих «исключительных» персонажей — оказывается, только они наделены «живыми, реальными чертами», их жизнь, сохраненная ценою подлости, обрачивается любы единственным конечным результатом понесенных жертв. Критик И. Кузьмичев, высказанный в «Заметках о современном военном романе» («Октябрь», № 3) эту мысль в числе многих столь же неожиданных, поистине поставил здесь рекордом субъективизма, вычитал из разбираемых произведений идею, диаметрально противоположную авторской...

Иное дело — стремление выдвинуть во главу угла «окопную правду» войны. Возникшее как прямая антитеза монументально-фанфарному ее воплощению времен фильма «Падение Берлина», оно, как это нередко бывает в таких случаях, имело свою увлекшую сторону. Писатель на какой-то срок сковал этим сам себя, утратил чувство поступательного движения событий во времени. Морально-этические и психологические проблемы, по основному, утверждающего звучания романа — оно здесь чувствуется постоянно, словно солнце за грозовой хмарью.

Это хорошо, потому что это верно. Верно прежде всего потому, что художественное решение темы Великой Отечественной войны вообще немыслимо вне темы победы. Это верно еще и исторически, ибо июль сорок первого года был не только месяцем нашего отступления и многочисленных немецких «котлов», но и месяцем яростных ударов по врагу. Именно тогда была похоронена идея «молниеносной», и в планах гитлеровских генералов замаячили первые весьма существенные поправки. Наконец, это верно психологически, поскольку Бакланову удалось передать совершенно особое, присущее только первым месяцам войны состояние своих героев, характеры, воссозданные им, впервые раскрылись в процессе становления...

В ИЮЛЕ СОРОК ПЕРВОГО...

Вс. СУРГАНОВ

ставленные им, были интересны и важны. Но в пресловутом баклановском «круговом обороне» ощутимо затруднялась возможность историко-социального их раскрытия. И не случайно в этой мысли в конечном счете сводилось большинство критических высказываний по поводу прежних книг Бакланова: оценка «кольца» с каждой новой повестью становилось буквально физическим. Этого, видимо, не мог не чувствовать и сам писатель: само время настоятельно требовало покидать «обжитые» окопы. Известные романы К. Симонова, О. Гончара, Л. Леонова, Ю. Чайковского, талантливая повесть «Неудача», опубликованная в минувшем году новопечатом Юрием Гончаровым, обозначили решительный поворот современной военной темы к большим историко-философским обобщениям. И новая книга Бакланова, те непривычные для него позиции, которые он настойчиво штурмует здесь, свидетельствует о стремлении писателя двигаться в этом направлении.

Конечно же, она «баклановская» — наше первое впечатление осталось обманчивым. Роль сорок первого года здесь не столько хронологический ориентир, сколько, в полном соответствии с названием, — главный герой романа. Это единый гигантский образ, взятый в развитии, закономерности которого подчиняют и определяют движение многочисленных и сложных сюжетных линий. И, по сути, это, как ни парадоксально, самая «внедокументальная», самая условная книга Бакланова. В самом деле, попробуйте хотя бы приблизительно сориентировать в обобщенных, которых здесь говорится. Даже деревни здесь безымянны, даже пейзаж ничего не подскажет вам, кроме того, что дело происходит в самый разгар лета, где-то в средней полосе России.

Очень важно, что одна из самых трагических страниц Отечественной войны раскрывается Бакландовым в ощущении непрерывно нарастающей силы народного отпора вражескому нашествию, в пронизывающем всю книгу чувстве уверенности в конечной неизбежной победе. Эти интуиции возникают уже в первых главах — не случайно открываются они впечатлениями эпизодами стремительного и сокрушающего контрудара по вражеским войскам. Тема победы влияет особенно и ширится с этих страниц. Враг рвется на восток, исчерпывая силы и наглости. Но героям Бакланова он вверные предстает сломленным, пленным, испуганным. Пусть это только еще частный эпизод — писатель и не пытается тянуть нас пленниками. У людей, с которыми он нас свел, впереди еще вся война. Недаром среди с пленными немцами композиционно «уравновешается» в заключительных главах книги иной, горькой и страшной сценой, где уже нашим бойцам приходится вонуро стоять на той же деревенской улице под прицелом вражеских автоматов. Наступление, открывшее книгу, потерпело неудачу — финальные страницы рисуют угрюмый ночной марш отступающих полков. Но даже это не в силах погасить У этих новых наших знакомых, едва перешагнувших порог войны, еще все слово не взаправду, не всерьез. Это авторский патриотический порыв еще вьется в их душах чистым веселым пламенем, они еще не ощутили всю непомерную тяжесть солдатской судьбы, выпавшей на их долю. Самая мысль о военной смерти какого не укладывается в их сознании — с лишком несовместима она с их молодостью, с бойким жизненной силы, которой бьет июльские дни и ночи. И отношение к врагу у них еще в какой-то мере протоверчиво: чего стоит, например, впечатляющий эпизод с купанием, которое было затеяли немцы перед нашими траншеями. Как-то по-человечески понятна минутная заминка, смущенная нерешительность наших ребят, психологическое усилие, которое потребовалось от них, чтобы открыть огонь по голым их сверстникам, с веселым гомоном плескавшимся в реке... Но пройдут всего сутки, и столкнувшись в упор со звериным обликом убийц, палачей и насильников, они яростно осознают, как высшую жизненную потребность, свое право и долг на уничтожение этой нелюди, заполонившей их землю.

Так по всей естественности возникает в романе тема рождения ненависти. Одна из самых актуальных в литературе военных лет, жестоко и властно продиктованная в ту пору самим временем, она предстает здесь, у Бакланова, как еще одна сторона закономерный результат правильно проделанного им историко-психологического анализа. И что очень интересно и важно, — подобная форма проверки временем всегда носит двусторонний характер. Уточнив по книгам, рожденным в боях, свой нынешний курс, писатель начинает и сам через них проверяет с позиций современности и надежность самих «ориентиров». Тем самым подтверждается еще и еще раз, что большая правда о войне отнюдь не является привилегией одной лишь сегодняшней литературы и что преемственность лучших традиций для нас — не декларная фраза...

Но, разумеется, в современных произведениях о Великой Отечественной войне неизбежны страницы, которые могли быть написаны лишь в наши дни. И в числе их — очень трудный разговор о той роковой роли, какую сыграл в наших горьких военных неудачах культ личности Сталина и все, что было с ним связано. Сейчас почти уже не найти писателя, который, говоря о войне, да и не только о ней, не затронул бы так или иначе эту тему. Но разные бы ее в меру своего понимания, таланта и гражданской ответственности. К сожалению, для иных эта общая наша боль даже обертывается подчас чем-то вроде моды. Но мы знаем уже немало хороших, умных, принципиальных книг, в числе которых — своего рода исследование, лишенное всякого привкуса «обличительности».

В романе Бакланова явственно чувствуется стремление воссозвать историческую правду.

И все же сцены и даже целые главы, посвященные трагическим событиям тридцать седьмого года и кануна войны, при всех достоинствах каждой из них, взятой отдельно от прочих, оставляют в совокупности странное впечатление: здесь присутствует лишь искусственность.

Прежде всего следует, видимо, отметить ощутимое «давление» этих разделов книги на всю ее композицию. Больше того — они дальше, тем определенное они приобретают сюжетную и даже хронологическую самостоятельность, замкнно отделялись от собственно «июльских» батальных сцен. Конечно, в какой-то мере нарушение хронологических рамок здесь оправдано самой идеей центрального образа времени, развертуого в движении и развитии. Но отсутствие в лагере врага, изображенные здесь, в ряду других причин объясняются и репрессиями тридцать седьмого, и другими проявлениями культовской атмосферы.

Однако характер этих связей, а тем паче воздействия на них новых могучих факторов, возникших в нашем обществе с первых же дней фашистского нашествия, требует от художника особо тщательного и всесторонего изучения, особой убедительности образов, несущих на себе эту идейную и смысловую нагрузку. Между тем как раз эти образы выполняющие в романе Бакланова роль связующих звеньев между двумя сюжетными линиями, необычайно пассивны.

Таков генерал Щербатов — характер сам по себе многообещающий, но в романе, так и не получивший в книге постоянного развития. Похоже, что он нужен писателю не столько в качестве **действующего**, сколько в качестве **вспоминающего и рефлектирующего** лица — позиция, согласитесь, весьма странная и даже непраконодобная для военачальника, оказавшегося в его положении: вспыхнувший пожар обычно прежде всего стремятся погасить, отложив «на потом» размышления о его причинах.

Таков «особист» Шалаев — фигура скорее карикатурная, но даже здесь для частности, так и не выстроенная ограничилось двумя тремя идиотскими репликами и рассуждениями, — пожалуй, только некоторые, намеченные мимоходом, весьма любопытные штришки шалаевского характера (например, его отношение к «образованным») интересны по замыслу и выполнению.

Отсюда — ощущение известной условности, схемы, едва лишь нарочитого «притягивания» друг к другу «культовского» и «военного» разделов романа. И отсюда же явный переход из одной крайности в другую: трагедия тридцать седьмого, так неотвратимо, так всепогощающе и грозно нависающая над рубежом войны, едва перехлестнув через этот рубеж, вдруг начинает стремительно «рассасываться». Гибель Шалаева, так же как и бесславное разжалование генерала Лапшина, который «в паре» с ним призван вонлощать в романе одно из двух наиболее тяжких, с точки зрения Бакланова, порождений культовской природы, просто-таки чересчур, назвлично, символично. Вероятно, ощущается, что эти явленные условия, вызвав к жизни могучие силы народной инициативы, оздоровили обстановку в армии и стране. Однако же все это было в действительности не в пример сложнее, мучительнее, противоречивее — это как раз тот случай, когда условность не столько помогает, сколько мешает делу.

Для такого одаренного, своеобразного художника, каков Григорий Бакланов, просчеты подобного рода не могут быть случайными. Они свидетельствуют, что писатель еще не разобрался до конца в решении исторических взаимодействии волнующих его проблем, не освоил еще социальную психологию в той мере, в какой освоена им психология «окопная». Сложнейший узел этих проблем он пытается решить как уравнение с одним неизвестным. И ощущение здесь возникает, что в ходе решения, ощущается здесь возросшее сопротивление материала: Бакланов-художник вступил в спор с Баклановым-историком.

Это досадно, тем более, что книга-то в общем получилась хорошая. Ведь она — самый первый шаг Бакланова в направлении «главного удара», выход в область, им еще не освоенную. Видимо, это обстоятельство и объясняет просчеты. Но самое важное сделано — с «пяди войны» писатель стремится вырваться на оперативный простор, перейдя от обороны к наступлению.

Григорий Бакланов. «Июль 41 года». Роман. Журнал «Знамя», №№ 1—2, 1965.

ОДА ПРАВДЕ, МУЖЕСТВУ, КРАСОТЕ

З. БОГДАНОВА

ОБ ЭТОМ спектакле писать и трудно, и радостно. Радостно, потому что постановка Театром имени Евг. Вахтангова народной драмы Михайло Стельмаха «Правда и кривда» явление сложное, волнующее. Трудно потому что у спектакля есть свой яркий, выпуклый эрительный образ — его нелегко передать словами, — образ, в котором органически соединилась особенность философского, романтического письма Стельмаха со своеобразными принципами его сценического воплощения.

Главную идею спектакля можно определить как борение человека против зла. Против кривды. Но это — слишком общее определение. Гуманизм пьесы — в идеалах коммунистической нравственности, которые впитали в себя извечную мечту трудового человека о добре, разуме, красоте, спутнице любви.

Центральный образ спектакля — солдат Марко Бессмертный. Такие, как Марко, выстояли, в борьбе против фашизма и вернулись к своим разрушенным хатам, примолкнувшим ветрякам, к земле, что жадно ожидала их рук. И горе тому, кто станет вилами в колеса на пути их большой человеческой правды.

Для каждого героя, вступающего в борьбу во имя победы светлых начал в жизни, кривда предельно конкретна.

Для молодой вдовы Мавры она выступает в облике Безбородько, бросившего ее, ожидающую ребенка. Точно птица в клетке, бьется Мавра над своим горем. Спеша, которую услужливо протягивает ей монахиня, дрожит в руинах Мавры. Судорожно цепляется Мавра — к Борисова за дерево, под которым она разговаривает с искупительницей, принесшей ему всем телом. Для нее это — словно символ жизни, и нет сил уйти от жизни, и нет сил жить обманутой...

Для старого конюха Кимена (Н. Пашинина) и полоненного недавно освобожденной от оккупации деревни кривда выступает в образе «хуже, чем дедовы», — дедовских до зубов демагогией и начисто лишенных человечности и доброты — «пусть, мол, и вешают».

Для бывшего партизана, сотника Заднепровского (сколько тепла, обаяния вкладывает в эту роль Ю. Яковлев), она — в новом приспособлении, двоедушном и духовном лицемерии. В Осоеве), выдающем то лесть, то угрозами справку о своем участии в партизанском отряде.

Велико, вероятно, было искушение сделать отца Христания, эту мощную, нелепую фигуру, в его серебряной шляпе, комедийным персонажем — и в чарке часто принесется, и в частенцах из-за отсутствия прояиности. Но исполнитель Н. Тимофеев счастливо избежал и такого упрощения и вешения. Его отец Христаний тоже ищет истину, но не в церковной догматике, а во взаимоотношениях с людьми. И сравнается против кривды.

Да, спектакль сложен. Здесь мало было сосредоточить внимание зрителя на сценическом действии, здесь обязательно властью режиссуры и исполнителей должна была возникнуть общая духовная настроенность, взаимно проникающая родственность. И в который раз отмечешь многокрасочную режиссерскую фантазию Рубена Симонова. Спектакль этот, сохраняющий дух героической народной драмы, возходящей к просветленному жизнелюбию классических советских пьес «Оптимистическая трагедия» и «Гибель эскадры», действительно особычен. По философской наполненности, по поэтичности образности, и по драматургическому построению, которое взламывает каркасы сюжетно-временной последовательности, переводя в иные моменты действие из плана реального в план умозрительный. Однако всегда художественное решение этих эмоциональных, условных последовательно «заземлено» в характерах героев.

...В горячечном бреду лежит израненный Марко (артист Н. Гриценко) в нерковном приделе где разместился госпиталь. Сулят лики святых безраличию смотрят на его страдания. Между ранеными бесшумно скользит медсестра, точно заслоняя их от смерти. А боги делают свое дело — отделяют душу от тела. Но не спешит Марко расставаться с душой. И памятью своей, мыслями своими возвращается он к жизни — видит тоненькую фигурку жены и, глядя на лики святых, начинает с ними ожесточенный спор о смысле жизни. Не о богами говорит Марко, — с людьми, своими односельчанами, вглядывается в святых, отцов, находит он в них черточки старого Кимена и старого Гайшуна.

Величие духа, неизменное Марко выявляются и в его диалоге со смертью. Прекрасная, раскинувшимися волосами женщина (не костлявая старуха-смерть!) зовет его к покою, тишине, прочь от земных невзгод. Но, тяжело опираясь на костыли, уходит Марко от смерти — к жизни, к борьбе.

В этих сценах ключ к пониманию образа Марко — не для себя жить, для людей. Заряд человеколюбия и энергии, который несет в себе коммунист Марко, со всей силой проявляется и в его столкновении с Безбородько и Кисеем.

Грузной, тяжелой глыбой нависает Безбородько (А. Абрикосов) над людьми. В его руке нет места человеколюбию. Он готов хоть черта повязать к себе в помощники. И Черт появляется. Не под старой мельницей живет этот Черт, привидившийся пьяному Безбородько. Это видение — часть его души, утратившая ярмо, — изворотливая, вкрадчивая (отличное пластическое решение образа предлагает Ю. Вольнцев). И она проявится, когда Безбородько будет добиваться у нового председателя теплеиьского местечка.

Без всякого желания поверять пьесу романом — эта работа сделана по своим законам, и неверно ее полагать инсценировкой, — скажу о некоторых издержках спектакля. Вряд ли можно считать большой удачей образа секретаря райкома, хотя артист В. Шалевич и делает все, чтобы его герой запомнился, но материал подчас сковывает исполнителя. Трудна задача и исполнителя роли следователя Черноволенко. Он задуман автором как средоточие зла, как бездушный и бездушный автомат. И то, что в памяти Марко следователь предстает именно таким, естественно. Но в сцене, где Черноволенко появляется уже как реально действующее лицо — автоматам, доведенный артистом Е. Федоровым до карикатуры, не оправдан. Не волнует и ряд важных для понимания спектакля эпизодов, скажем, стрельба из пушки делом Евмеиом в честь окончания войны. Мелькание обнимающихся и радостно вскрикивающих людей, «пробег» мальчишки с красным флагом образуют лишь натужную суету.

Но это — частности.

В спектакле же перед зрителем отмывает страница исленского прошлого. Он пронизывает неиерушную красоту человеческого духа, его сопротивление злу и кривде — и в этом смысле весь устремлен к нашим дням.

маленькие рецензии

ДОБРЫЕ СПУТНИКИ

СВОЮ книгу статей и воспоминаний, в которую вошли рассказы о Бунине, Куприне, Семен Гургев назвал «Спутники сердца». Кого не имеет в виду автор! Маяковского, Есенина, Островского. И еще многих писателей. Это о них написана книга, в которой явственно ощущаются нравственные взаимодействии волнующих его проблем, не освоил еще социальную психологию в той мере, в какой освоена им психология «окопная». Сложнейший узел этих проблем он пытается решить как уравнение с одним неизвестным. И ощущение сразу же ощутилось здесь возросшее сопротивление материала: Бакланов-художник вступил в спор с Баклановым-историком.

Это досадно, тем более, что книга-то в общем получилась хорошая. Ведь она — самый первый шаг Бакланова в направлении «главного удара», выход в область, им еще не освоенную. Видимо, это обстоятельство и объясняет просчеты. Но самое важное сделано — с «пяди войны» писатель стремится вырваться на оперативный простор, перейдя от обороны к наступлению.

Григорий Бакланов. «Июль 41 года». Роман. Журнал «Знамя», №№ 1—2, 1965.

Семен Гургев. «Спутники сердца». Издательство «Советский писатель», М., 1964.

ГОРЯТ КРЕСТЫ...

Преступления куклуксклановцев вызвали такую бурю возмущения во всем мире, что президент Джонсон счел необходимым выступить по телевидению. Он назвал недавние события на юге США «грязным пятном на американском обществе» и призвал конгресс поставить деятельность расистов под «действенный контроль закона».

Но пока суд да дело, трое из четверых куклуксклановцев, арестованных по обвинению в убийстве Виолы Луизо, освобождены под залог. Их адвокат Мэрфи внес за каждого из расистов по 50 000 долларов. При этом он нагло заявил: «Эти четыре парня будут оправданы. Для такой уверенности у Мэрфи есть основания: не один убийца расхаживает на свободе на американском юге. Калвин Крейг — «Великий дракон» (один из руководителей клана) сказал: «Мы сами думаем поставить президента Джонсона на место». А через несколько дней после убийства Виолы Луизо возле ее дома был обнаружен обгоревший крест — символ ненависти и насилия.

Медленно движется машина американского правосудия. Пока в Вашингтоне спорят о том, по какой статье федерального закона можно привлекать к ответственности куклуксклановцев, в Алабаме, Джорджии, Миссисипи и Луизиане горят по ночам деревянные кресты — предвестники новых погромов и преступлений.

На снимках из американских журналов «Юнайтед Стейтс ньюс» и «Ньюсуик» — парады куклуксклановцев в Джорджии.

ПО ТУ СТОРОНУ ЗДРАВОГО СМЫСЛА

Борис ЛЕОНТЬЕВ,
обозреватель «Литературной газеты»

> Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге, Ганновере делается... оттого по всей земле вонь страшная, так что нужно затыкать нос.
>
> **Н. В. Гоголь. «Записки сумасшедшего».**

ТРИ года тому назад, когда случилось мне побывать в Западной Германии, люди в Бонне, Гамбурге, Кельне, Штутгарте, опьяненные экономическими успехами ФРГ, в беседах со мною задавали вопросы, демонстрировавшие полное непонимание реальной действительности. Спрашивали, например, когда Советский Союз «отдаст» Германскую Демократическую Республику Западной Германии. Видный деятель правящей партии ХДС г-н Кизингер, любезно давший мне интервью, весьма нелюбезно и недвусмысленно сказал, что отношения между ФРГ и СССР не могут нормализоваться до тех пор, пока Москва не удовлетворит «политических требований», то есть территориальных притязаний Бонна.

На какие «основания» опирались эти полуультиматумы и полуугрозы? Это была уверенность, что за любой акцией ФРГ, за любым «требованием», вплоть до откровенно реваншистских, Запад, который будет стоять вся военная мощь НАТО. Возросшая роль ФРГ в мировой торговле также внушила крупнейшим западногерманским банкирам и промышленникам — с некоторыми из них мне удалось побеседовать — уверенность в том, что их отказ торговать с социалистическими странами будет и отказом всего Запада.

Однако уже тогда фантастичность подобных расчетов была очевидна многим здравомыслящим гражданам ФРГ. Осенью 1961 года правящий блок ХДС—ХСС впервые утратил абсолютное большинство на парламентских выборах, и ему пришлось вступить в коалицию с партией так называемых свободных демократов г-на Менде.

И вот на дням в Дюссельдорфе состоялся очередной съезд христианско-демократической партии, связанный с предстоящими в сентябре новыми выборами в бундестаг. Что-то скажут осенью западногерманские избиратели?

За прошедшее время отчетливо выявился полный крах политики правительства — политики опасной и нереалистичной, далекой от понимания сложнейших процессов современности. В основе ее — убеждение, что Западной Германии должно быть «возвращено» положение одной из самых сильных держав Европы, что ФРГ «представляет всю Германию», имеет право говорить от имени всего немецкого народа.

Из этой «посылки» следуют и конкретные выводы. Среди них — требование ядерного оружия, «доктрина Хальштейна», косная и вредная для самой ФРГ линия в области международной торговли, сопротивление разрядке напряженности, «холодная война» против СССР, антикоммунизм, попытки возродить, оправдать и избавить от преследований нацистских преступников.

Но налицо банкротство по всем линиям. Не случайно даже лидер социал-демократов Willи Брандт, характеризуя съезд в Дюссельдорфе, иронически заявил, что этот съезд «подвел итоги неудачам, слабостям и бесперспективности» христианских демократов.

Список неудач становится все длиннее, но это не отразляет лидеров Бонна. Доктрина Хальштейна, то есть принцип разрыва отношений с любым государством, признающим существование ГДР, с треском провалилась, о чем свидетельствуют все крупные неприятности ФРГ на Ближнем Востоке... Но и Эрхард, и его министр иностранных дел Шредер снова поклялись в верности этой доктрине. Лопнул первоначальный план амнистии военных преступников гитлеровцев 8 мая 1965 года, ибо протиен этого запротестовала вся мировая общественность даже на Западе... Но через бундестаг протащено решение исчислять «срок давности» с момента формального существования ФРГ, — отсрочка всего на четыре с половиной года. «Политической мануфактурой» назвала это решение буржуазная голландская газета «Хет фадерланд».

Провалы следуют один за другим. Не ГДР поставлена в положение бойкотируемой, а ФРГ начала страдать от разрыва экономических связей с многими государствами... И это вызывает ярость. Председатель фракции ХДС—ХСС в бундестаге Барцель призвал на съезде к «объявлению войны» социализму и коммунизму. Шредер снова подчеркивал, что только Западная Германия представляет на мировой арене германский народ. А канцлер Эрхард продолжал жаловаться на то, что западные капиталистические державы, отстаивая незадачливую ФРГ, «состязаются друг с другом в предоставлении коммунистическому Востоку долгосрочных кредитов без каких-либо политических условий» и тем самым «усиливается политическая мощь коммунизма».

Немедленно после съезда — и в полном соответствии с его реваншистскими «духом» — было организовано демонстративное и провокационное заседание боннского бундестага в Западном Берлине. Это еще одно проявление политического авантюризма и безответственности. Не стал и никогда не станет Западный Берлин, расположенный на территории Германской Демократической Республики, «частью ФРГ». Ничего, кроме большого конфуза, кроме дополнительной рекламы безрассудства боннских властей, так и не получилось...

Грозным предостережением для провокаторов прозвучало в эти же дни подписание в Варшаве нового советско-польского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Л. И. Брежнев и Владислав Гомулка подчеркнули в своих выступлениях нерушимость западных границ Польши — того «главного», что хотели бы нарушить и «пересмотреть» фанатики-реваншисты из ФРГ.

Печально, что столь большая страна, Западная Германия, пребывает на этом опасном пути. Это непонимание нужды, того великого и нового в отношениях между всеми народами, движение к которому будет продолжаться и развиваться.

Счастливый чилиец — Хуан Рохас Гарденас

Маргарита АЛИГЕР
специальный корреспондент «Литературной газеты»

РЕШИТЕЛЬНО невозможно, кто счастливее: тот ли, кому везло всю жизнь, или тот, кому повезет вдруг, после долгих лет неудач и нужды, ставшей уже привычным состоянием. За свои без малого пять десятков лет строительный рабочий Хуан Рохас намыкался вдоволь и повидал всякого, но, однако, если взвесить все условия и обстоятельства, он вправе считать, что итог этих пяти десятков лет не так уж и плох и особенно обижаться на жизнь ему не приходится. Скорей даже наоборот: кое за что ее следует и поблагодарить. Не каждый чилийский паренек, едва грамотный и ничему не обученный, начав разнорабочим, становится к своим пятидесяти строительным мастером, — для этого как-никак надо иметь голову на плечах. И не каждый, отнюдь не каждый строительный мастер получает в наши дни удачный и надежный подряд. Такой подряд, который дает возможность никак не менее года иметь крышу над головой, кусок хлеба и тарелку супа ежедневно, а по праздникам так и добрый кусок мяса и добрую дамахуану хорошего красного вина. Нет, что и говорить, ему определенно повезло, и не знаешь прямо, кого за эту удачу следует благодарить: господа бога, или нового президента сеньора Фрея, или, вернее всего, того сеньора, которому понадобился новый дом, подальше от центра города с его суматохой, духотой и грохотом, в самом предгорье Кордильер, на улице Конкистадоров.

Конечно, эта улица, такая еще молодая, что у нее даже не всюду есть вторая сторона, и видать далеко, и воздух чистый, — ведь Кордильеры рядом, с их свежестью и прохладой, и над головой небо, такое огромное, такое яркое, какого в центре Сантьяго и не увидишь, как ни старайся. И что с того, что в сарае, где хозяин будущего дома разрешил пожить строительному мастеру с семейством, всего одно окошко и дневного света, в сущности, нет, много ли времени проводит строитель под крышей своего дома? Зимой можно будет поранше спать ложиться, да и велика ли зима в Сантьяго, а ныче летом, какая благодать, полуживать на улице, на земле у сарая, подышать ветерком с гор, полюбоваться четырьмя главными звездами Южного Креста, этой ослепительной драгоценностью чилийского неба.

Чилийское небо! — это ведь надо понимать, что это значит. Такое небо не всюду увидишь, стоит тебе только голову запрокинуть. Недаром ведь сюда, в Сантьяго, приехали советские ученые наблюдать наши чилийские звезды. Видно, такого неба даже в Советском Союзе нет. Хуан Рохас очень любит эти звездные вечера, любит посидеть попозже на земле у своего сарая, отдохнуть, покурить, поговорить о политике, как великий чилиец. Все чилийцы любят разговаривать о политике, а он, Хуан Рохас, человек широких политических горизонтов с самых своих молодых годов. Он, правда, не коммунист, в партии не состоит — этого он себе позволить не мог — слишком рано обзавелся семьей, которую надо было кормить, а вступи он в партию, ему бы еще чаще приходилось сидеть без работы, но симпатии своих и убеждений никогда и ни от кого не скрывал. Первенца своего он без малого тридцать лет назад назвал Владимир Ильич, а дочку, родившуюся в тридцать девятом, — Пассионария. У нее уже теперь есть своя маленькая Пассионари Сегонда. Третий сын родился в разгар второй мировой войны, и хотя чилийцы были от нее далеко, они следили за победами друзей и поражениями врагов с неослабным вниманием, и Хуан Рохас назвал третьего сына гордым и красивым именем Маршал Тимошенко. Этот Маршал Тимошенко — теперь уже отличный каменщик, и он его охотно взял в свою бригаду, хотя и был сердит на него за то, что он женился в девятнадцать лет. Мог бы и повременить, но ведь тут что поделаешь? Это его малыш сейчас плачет в сарае. Второй, родившийся в прошлом месяце, в первому уже скоро два года, и он важно сидит у деда на руках и слушает его разговоры о политике. Тут же сидит младший сын, которого назвали именем коммунистической газеты: Эль Сигло. Имя странное, и хотя чилийцы, как и испанцы, часто дают детям несколько имен и те имеют право выбрать то, которое им больше по вкусу, отец умышленно не дал ему никаких других имен, чтобы не было у него возможностей выбора.

И, пожалуй, он как в воду глядел: сейчас Эль Сигло тринадцать, и он уже два года как торгует газетами на улицах. А там, что его знает, может, еще и журналистом станет. Писать в газеты он пока еще не пишет, но читать их здорово настропалился, каким-то особым нюхом угадывал, в какой газете что стоит прочитать. Прочитает, а потом рассказывает дома, и это здорово украшало жизнь отца. Теперь он, Хуан Рохас, в курсе всего, о чем идет речь в чилийской, да и в мировой прессе. К нам теперь даже соседи охотно заглядывают вечерком, послушать международные новости. Вчера всем хотелось узнать, как встречали советского посла, и какой он, этот посол. Вечерние газеты написали об этом очень подробно и даже сообщили, что рост у сеньора Аникина 186 сантиметров. А недавно Хуан Рохас, его семья и соседи были глубоко взволнованы одним совершенно необычным газетным материалом. В нынешнем январе в газете «La nasьon» появились один за другим два страшных рассказа о чудовищных условиях жизни нищих поселков, поселений бедноты, которых становится все больше и больше вокруг Сантьяго и других больших чилийских городов. Это поселки людей, пришедших в большие города чаще всего из деревень, где их душила нужда и безземелье, в надежде найти в городе работу, которая по крайней мере прокормит. Там в деревнях им еще кажется, что это возможно, что в городе на всех работы хватит, но тут их иллюзии очень быстро развеиваются. Чтобы не умереть с голоду, они берутся за любую случайную работу: плетут сумки и соломенные сиденья для стульев, делают любые мелкие поделки, собирают на городских свалках тряпье, кости и стекло, получая за это от трех до пятнадцати эскудо в неделю. «А если учесть, что такие семьи всегда многочисленны, и вспомнить при этом, каковы цены на продукты и одежду, то даже те, до кого позже всех доходят голоса страждущих, могут представить себе, что за жизнь у этих несчастных», — так вот и было написано.

Хуан Рохас изучил эту фразу наизусть, так она ему понравилась. Пусть, те, кто прочтет ее, и впрямь попробуют, себе представить, каково это прожить, имея в неделю от 3 до 15 эскудо. От 3-х! В неделю! А килограмм мяса стоит не менее 4 эскудо. Он знает эти поселки, их несколько вокруг города. Газета пишет о четырех: Сьерра Белья Сур, Новый Мануэль Родригес, поселок Бумажников и Новая Матукана. Поселки! Одно название! Пустыри, выжженные солнцем, вырытые в земле ямы, кое-где покрытые листами жести, кучи мусора, тучи мух, стаи голодных бездомных собак, крысы и змеи. Страшные люди в лохмотьях, дети, которые не растут, ужасные болезни, постоянное зрелище медленной смерти. Становится жутко, когда подумаешь, что так живет свыше двух миллионов человек. Газета так и пишет: «Когда смотришь на этот поток нищеты, бурлящий у стен больших городов и грозящий выйти из берегов, то понимаешь, что нельзя терять времени; нужно положить этому конец». Так прямо и написано в газете, он сам читал несколько раз.

Уже последние годы выросли втрое и продолжают расти и, как сказал сегодня Сесар Годой: «Чилийцы едят так мало, что без труда просматриваются насквозь». Особенно досталось сегодня от Сесара нынешнему министру экономики христианскому демократу по фамилии Санта Мария. Вот ведь дал бог фамилию человеку! Сесару она очень по вкусу, пришлась и здорово помогла в его речи. Говоря о тяжелом экономическом положении страны, о том, как трудно живут люди, он каждый свой пример, каждый свой период заканчивал восклицанием: «Слава Санта Марии!», и это всякий раз имело бурный успех, вся площадь от души хохотала и аплодировала.

Эта толпа тоже участвовала в разговоре, и не только смеясь и аплодируя блестящей речи кандидата в депутаты. Люди высоко держали самодельные плакаты, и язык их был прям и прост:

«Мы — рабочие без работы».
«Сейчас много увольнений
и нам нечего есть».
«Нам нечего есть и мы хотим
работать».
«Безработные всех цехов
хотят работать».

А когда митинг приближался к концу, Хуан Рохас заметил, что ребятишки, которые были много, как на великом уличном сборище, шныряли по толпе, собирали плакаты и уносили их куда-то, очень довольные этим доверенным им поручением. Наверно, плакаты велено было собрать и сложить куда-нибудь. Зачем их бросать, еще пригодятся для будущих митингов.

Разумеется, он встретил множество знакомых, — это ведь был митинг строительных рабочих. Иные старые дружки дерзкими шутками, — ведь с тем и пришли, — Хуан Рохас, конечно, не принимались, испытывая горькое смущение оттого, что он-то это этот раз с работой и ничем не может помочь товарищам. Ему-то на этот раз жаловаться не на что.

Все уже ушли спать, они остались только вдвоем с младшим сыном, и Эль Сигло все чаще позевывает. «Иди спать, сынок, — говорит ему отец, — я тоже скоро приду».

Он остается один в тишине и синеве звездной и теплой ночи чилийского лета. В глубине двора белеют стены дома, который он строит со своей бригадой. За пять месяцев они подвели дом только под крышу. Можно было, пожалуй, сделать это вдвое быстрее, но куда и к кому? ему, собственно, торопиться? Вот, пока он строит этот дом, у него есть этот сарай, а что будет потом, кто его знает. Может быть, и он вынужден будет написать углем на обломке фанеры: «У меня нет работы! У меня нет еды! У меня нет дома!» Нет дома. Нет своего угла. Через несколько месяцев, закончив этот дом, куда он пойдет из этого сарая? Только бы не туда, не в один из этих страшных поселков, о которых пишет и «La nasьon». Все-таки, надо надеяться, если официальная правительственная газета пишет об этом, стало быть, правительство собирается что-то предпринять, что-то решить. Стало быть, большие и сильные и богатые люди сами уже понимают, что это ужасно, что дальше так продолжаться не может, хотят что-то изменить, что-то сделать. Ну что ж, помогай бог! Скорее бы только, а то у него уже больше нет сил бояться будущего. Сейчас-то, еще месяцев семь-восемь ему бояться нечего, у него есть этот сарай и работа, а за этот срок, может быть, они что-нибудь придумают, сеньоры христианские демократы. А если вдруг нет? Только бы!

Пора спать, однако... Хуан Рохас тяжело встает с земли и, еще раз поглядев в звездное огромное небо, глубоко вздыхает и тихо идет к своему сараю. Спокойной ночи, Хуан Рохас!

САНТЬАГО — МОСКВА

ХОД КЕНТАВРОМ

Р. САМАРИН

В САМОЙ середине романа Дж. Апдайка «Кентавр», перед тем местом повествования, где оно становится особенно напряженным, а потом устремляется к драматической развязке, помещен некролог учителя Джорджа Колдуэлла. Это остроумная, но и полная горечи пародия на провинциальные изделия такого рода. Жизненная драма Колдуэлла-старшего становится еще более очевидной, когда знакомишься со столь благополучной версией его биографии.

Однако в этой печальной пародии есть строка, вырывающаяся из общего текста, звучащая полновесно и всерьез. Не без иронии по поводу эрудиции местного газетчика Апдайк заканчивает некролог словами Гамлета, обращая их к памяти учителя: «Он человек был в полном смысле слова».

Мир провинциальной, «одноэтажной Америки», раскрытый в романе Апдайка, связан с большой традицией американской литературы. Читателю вспомнятся и Шервуд Андерсон, и Синклер Льюис, и даже — не так-то просто назвать это имя! — сам Марк Твен.

Американская действительность показана Апдайком как бы в трех измерениях — в сложнейшем восприятии учителя Колдуэлла, вдохновенного поэта и мыслителя; в восприятии его сына — подростка Питера; в восприятии того же Питера, по старшего художником, оглядывающегося на прошлое, пытающегося понять, кем же был его отец.

Все три «типа восприятия» различны. Правда, и у Питера-подростка уже живет будущий художник, который умеет заметить тени снежинок на белом фоне, озаренном мертвым светом электричества, цветные плоскости солнечных лучей, заливающие его убогую комнатку, графические линии «страшно одинокой» фигуру отца, уходящего в скрещенные перспективы провинциальных авеню — в снег, в ночь, а может быть, и в смерть. Восприятие Джорджа Колдуэлла — учителя, интеллигента, жадного автодидакта, полно поэтических образов, прежде всего подсказанных античной мифологией.

Но как бы ни были различны эти три восприятия действительности, для всех них характерны острые трагические ощущения, рождающиеся от столкновения с ней.

И старшему учителю, и мальчик Питер, и Питер — молодой художник согласны в одном: они тяжко страдают от засилья мещанства, пошлости, подлости. Питер с детства узнает гнетущую бедность, беспощадную власть долларов и чеков, острое чувство унижения, зависимости от тех, кому принадлежат доллары и чеки. Мальчик заявляет о своих симпатиях к «русским» и о своей ненависти к фашизму, приводя этим в бешенство лавочника Майнора, влюбленного в нацизм и ненавидящего «красных». В отличие от общепринятой морали «белой» части американского общества, художник Питер Колдуэлл нежно и преданно любит свою подругу-негритянку, ценя в ней бесстрашный дух сопротивления и горькую гордость униженных.

Вместе с тем насмешливый, непокорный, честный мальчик Питер способен на огромное, переполняющее его чувство любви к отцу. Ведь и весь роман, в сущности, рассказывает о том, что пережил Питер в дни тяжкого нервного напряжения, вызванного страхом за горячо любимого, глубоко несчастного человека, которому он, Питер, помочь ничем не может, которого он иной раз и презирает, но которого он так любит.

Почему же в глуши, в городке, где несколько лет назад Колдуэлл заплатил тою общему бескультурью и хамству, Питер Колдуэлл вырос бунтарем, вызелил в себе остроумнейшее отношение к окружающим, возненавидел скуку и подлость мещанского существования? Потому, что он был сыном и учеником Джорджа Колдуэлла, «человека в полном смысле слова», хотя Питеру и были известны его чрезмерная мягкость, даже беспомощность, его смешные и слабые стороны. Герой Апдайка — загнанный и униженный провинциальный учитель — показан в самой непригляднной обстановке. И все-таки он Человек с большой буквы. И мы запомнили его в той самой жалкой вязаной шапчонке и нескладным, каким его увидел зоркий и по-сыновнему беспощадный глаз Колдуэлла-младшего.

Жизнь учителя Колдуэлла бывает по-настоящему страшна. «Впереди, как крутая гора, высилась безнадежная усталость. От мысли, что снова придется изворачиваться перед Эммерманом, миссис Герцог и всей этой огромной, деспотичной полумеркнной бадой, ему становилось тошно». И все-таки его сын станет честным американцем и смелым художником. Найдутся и другие, кто с глубокой благодарностью вспомнит о нем как о человеке, указавшем им дорогу в жизни. Не зря жил и пугал смешной человек, учитель Джордж Колдуэлл, мыслях видевший себя мудрым кентавром Хироном, наставляющим в духе истины и добра племя юных.

В чем же черпал он свою веру в то добро, которому учил, в ценность истин, которые излагал бесчующимся дикарям-школярам, испорченным и развращенным условиями «американского образа жизни»? Видимо, в своей негасимой вере в человека, его высокие и добрые качества, искалеченные, замутненные, извращенные, а все-таки живущие даже в самой кривляной и какальной из юных обезьян, в каких превращаются иной раз ученики Колдуэлла, в сущности, привязанные к своему наставнику. Для Колдуэлла представление о совершенстве и сложности человека, этого неповторимого живого чуда, воплощенного в образах, родившихся тысячелетия тому назад, но все еще существующих, приобретающих новое содержание с каждым веком нашей цивилизации — в мире античной мифологии. Колдуэлл не «уходит» в этот мир: он уверенно черпает в его поэтичности и мудрости силы для жизни.

Нельзя не согласиться с А. Елистратовой в том, что, вопреки утверждению самого Апдайка, именно американская реальность середины нашего века — суть и зерно романа, а мифологический материал, при всей его важности, — оболочка, элемент скорее формы, чем содержания. («Иностранная литература», 1963, № 12). Мифологические образы романа не просто поэтическая параллель, как у Д. Джойса, не арсенал метафор и иносказаний. Для Апдайка, как и для его героя, они воплощают победительную, высокоморальную силу человеческой красоты, гармонии, которой так не хватает Апдайку в американской жизни. Она, эта красота, живет и в людях, окружающих Колдуэлла, хотя она и унижена, затоптана, оплевана.

Это не модная игра в «литературу мифа», не малокровное мифотворчество современных собратьев по реализма, не мрачные и монотонные видения Кафки. Это сложная, живая символика красоты и благородства, поэтика человечности, плодотворно связывающая роман второй половины нашего века с великой античной традицией и — смею сказать — тем поднимающая роман Апдайка над американской спецификой до уровня обобщений более широкого масштаба. Я полагаю, что этот мир прекрасных образов романа рождался и не без воздействия искусства Ренессанса. «Кентавр и Паллада» Боттичелли и его же «Рождение Венеры» смотрятся как источники некоторых мотивов романа.

Многое в «Кентавре» вызывает на спор с его автором. Порою Апдайк слишком увлекается умышленной неясностью, порой кокетничает усложненностью повествования. Порою его стремление быть предельно точным, сказать «всю правду» превращается в наивный натурализм. Еще сохраняют над Апдайком власть фрейдистские предрассудки, приводящие к схематическому, а то и вульгарному решению сложных психологических проблем. Не все читатели, включая и тех, кому «Кентавр» понравился, разобрались в композиции романа с его переходами от бара и дешевой гостиницы к лаврам и классической наготе. И — самое главное — хватит ли одной красоты, высокого благородства для того, чтобы освободить ту Америку, в которую влюблен Джон Апдайк, от Америки, в которой господствует прославляемая им «деспотическая банда» делят и авантюристов? Грозные события, сотрясающие США за последние годы, как и зловещая роль родины Апдайка на арене нынешней мировой истории, едва ли смогут уместиться в мифологической образной системе, как бы ни была она прекрасна. Апдайку, очевидно, под силу и что-нибудь более значительное и масштабное, чем его роман о кентавре Колдуэлле и его строптивом сыне, сохранившем прометеев огонь.

Джон Апдайк — художник ищущий, выразительно оригинальный, остро чувствующий наше время. Его глубокое и честное внимание к жизни было заметно и в его встречах с нашей молодежью. Она тепло приняла Апдайка и о многом его спрашивала. Его ответы были всегда искренними, содержательными. Он волновался, и это было хорошее волнение серьезного писателя, встретившегося с новой и очень впечатлительной аудиторией — нашей аудиторией.

Суди по всему, кое-что делает в США ставку на Апдайка. Кажется, Зиммерман, миссис Герцог и прочие участники «олиндерской банды» — сами слишком глупы, будут это они были наставниками Питера Колдуэлла, а вовсе не мудрый старый кентавр Хирон, погубленный ими.

Пожелаем же Апдайку, чтобы он и впредь остался верен тем большим и высоким идеям, которые сделали для нас понятными его «Кентавра». Пусть он не забывает об учителе Колдуэлле и его сынишке, о том, что они были верной поддержкой друг для друга в жизни, о которой мудрый Хирон отозвался кратко и точно: «это — ад».

Наши гости

В качестве гостя Союза писателей СССР в Москве находился американский поэт Аллен Гинсберг.

Наибольшую известность в США и за их пределами получил небольшой сборник стихов Гинсберга «Вопль» и другие стихотворения (1955 год). В этих стихах выражен протест обществу, толкающему молодых американцев на путь самоубийства и преступлений.

Отдельные стихи А. Гинсберга публиковались в нашей периодической печати.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1965 ГОДА
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
«СОВЕТИШ ГЕЙМЛАНД»
(индекс 70821)
НА ЕВРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ,
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР.
Подписная цена на 6 месяцев — 3 рубля.
Цена отдельного номера — 50 копеек.
Подписка принимается без ограничения в пунктах подписки «Союзпечати», во всех отделениях связи и общественными распространителями печати на предприятиях и в учреждениях.

«Литературная газета» выходит во вторник, четверг и субботу

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм: Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, иностранной литературы — Б 1-11-69, литературы народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, науки — Б 8-54-03, иностранных — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-28, издательство — К 4-11-68, Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50062 Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б—00660

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).